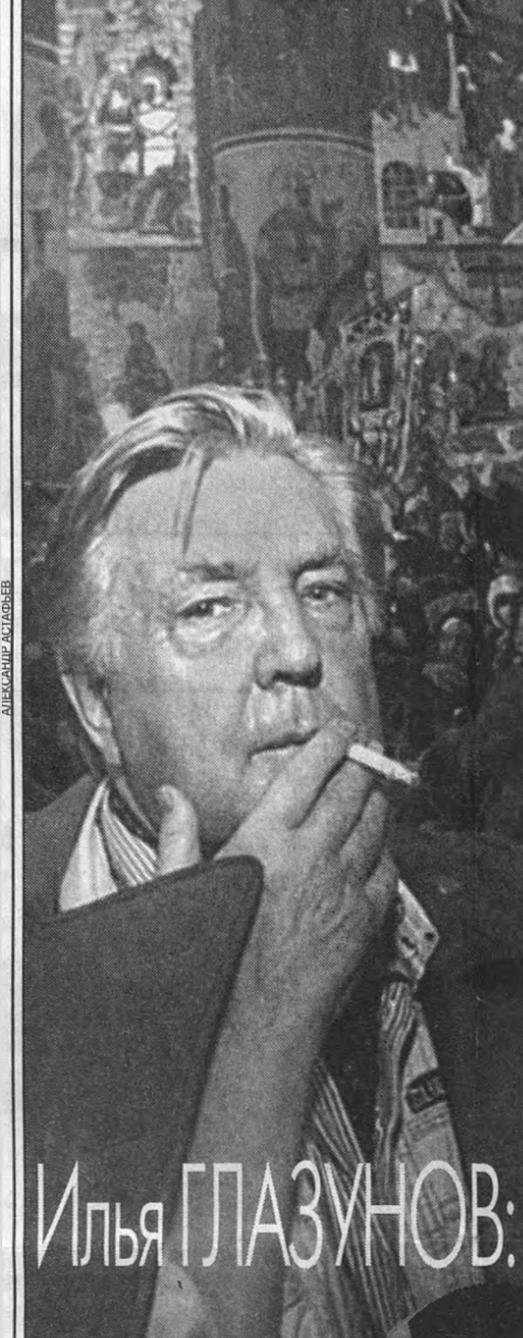

АЛЕКСАНДР АСТАШЕВ

Илья ГЛАЗУНОВ:

ВОЗЛЕ НЕТ КРАСОТЫ

Общепризнано: Глазунов — всемирно известный художник. Не стоит и подводить какие-то итоги его жизни. Он кипит энергией, идеями и собирается жить до 150. Тяжеловесный юбилей — 70-летие — для него так, условность. Физическое существование мало занимает Илью Глазунова. "Творчество и замысел художника — есть тайна Божья, выражение его понимания добра и зла" — его любимая мысль.

— Полгода назад я закончил "Разгром храма в Пасхальную ночь". Размер — восемь метров на четыре. Я думал над ней сорок лет. Я родился в великом имперском городе Петербурге. У меня все умерло в блокаду. Каждый год я уезжал из Ленинграда, в триумф теплотхода, и ехал по Волге. И почти в каждом городе, деревне, где я сходил на берег, слышал рассказы, как закрывались церкви, как приезжал на бронепоезде боевой отряд и громил храмы... Лучшее всего сказал, наверное, о том времени Черчилль: "Подонки больших городов Европы и Америки сделали русскую революцию". И вот я показал это: черный поток воинствующих безбожников под лозунгами: "Бога нет", "Религия — опиум для народа". И это в Пасхальную ночь! "Христос воскрес!" — "Не воскрес!" Россия тонет в крови. Раньше о таком полотно я не мог мечтать по двум причинам. Во-первых, политическим — меня обвиняли, что мое искусство не помогает строить коммунизм. И во-вторых — у меня не было большой мастерской. И я очень благодарен Юрию Лушкову, что у меня наконец появилась мастерская, где я смог написать эту картину, как и другие давно задуманные полотна.

— Илья Сергеевич, какова история создания "Мистерии XX века", над которой вы работали гораздо раньше?

— "Мистерию" я начал писать, как ни странно, в Германии. Но там картина вызвала бурный протест. Не все ее поняли — ведь там изображены Гитлер, Сталин, Бранденбургские ворота... На рулоне я привез ее в Москву и писал в двух комнатах. А последняя — "Мистерия" — была выставлена на двух выставках. Только воля художника может объединить столь разных людей. Это и есть мистерия. На одном холсте — силы и идеи, определившие историю XX века. Все кончается 2000 годом. Так что там есть и мадам Олбрайт, перед которой все заискивают. Не далее как позавчера я узнал, что 14 древних храмов, один из них XIV века, разбомблены в Косово. Посылаю подарочки к счастливой Пасхе в Сербию в виде ракет — такого история не знала! Для меня сегодня Америка — империя зла. И над всем

— иссеченная выстрелами аллегорическая скульптура России. Занавес закрывается... А за ту первую "Мистерию", вы знаете, меня, приравняв по статусу к Солженицину, хотели выслать в Америку. Один голос перевесил в мою пользу. Меня послали "всего лишь" на три месяца в глухую тайгу, на БАМ...

— Илья Сергеевич, почему на последней работе нет Владимира Путина?

— Это хороший вопрос. Он не вошел по одной причине: его еще не было как президента. Эту картину я закончил, по-моему, 1 декабря. Но о Путине должен сказать отдельно. Меня обычно не приглашают на парадные встречи с интеллигенцией — что советские, что демократические. И вдруг сейчас я получил приглашение на Новый год в Кремль. Ельцина там не было — выступал активный молодой человек. Я спросил: кто это? Мне говорят: твой земляк Путин. И свою речь он — представитель президента — закончил словами: "За великую Россию!" Впервые в этом болоте, где все обязаны хвалить только Америку, и обсуждать, не отвалился ли у Майкла Джексона нос, и радоваться унижению своей страны, очередной распродаже ее богатств, — я вдруг услышал то, ради чего отдал жизнь: "За великую Россию!". После я к нему подошел, протиснулся, пожал руку и сказал: "Большое вам спасибо за "великую Россию". Мой любимый государственный деятель Столыпин, как вы знаете, каждую речь кончал словами: "Вам нужны великие потрясения? А нам нужна великая Россия". Для меня русский — это тот, кто любит Россию. Левитан — еврей по национальности — великий русский художник. Александр Бенуа — великий русский художник. Рерих, Брюллов, Росси, Растрелли, вливаясь в могучую стихию России, — все становились русскими. И я горжусь тем, что я — маленькая капля великой России, и горжусь тем, что на мои выставки идут миллионы зрителей. Они понимают меня; ведь если искусство непонятно — я в этом глубоко убежден, — оно никому не нужно. Разве можно считать успехом, когда в огромном зале филармонии потный дирижер радостно машет руками, а в первом ряду пустого зала сидят две старушки. Успех — когда на углу спрашивают: нет

лишнего билетика?.. Я горжусь тем, что мой скромный труд нужен.

— Цены на билеты на ваши выставки вы устанавливаете сами?

— Последняя моя выставка была в Петербурге. Манеж в Петербурге, как и всюду выставочные залы, плохо посещают. Мне советовали брать цену за билет 100 или 200 рублей. Я сказал: "Нет, билет будет стоить 10 рублей и 20. Бесплатно — дети, инвалиды, герои, потому что сегодня все нищие". Я никогда не забуду, как меня вдруг на выставке в Петербурге стали обнимать шесть человек, семья. "Вы знаете, — говорят, — мы шли шестером и кинули хребтик, кто из нас пойдет на выставку, а тут детей пустили бесплатно, и мы все прошли. Спасибо вам". Я горд тем, что я в меру сил делаю Божье дело, и все мои работы никем не заказаны, кроме портретов и иллюстраций к русской классической литературе.

— А если вам закажут запечатлеть образ Владимира Владимировича?

— Я хотел бы его портрет написать. Меня приглашали короли и президенты. Я всегда писал портреты, когда меня приглашали: от Федерико Феллини до короля Испании. С Владимиром Владимировичем, я думаю, будет связано много в истории нашей страны такого, чего мы даже не ожидаем. Я вижу его энергию. "За великую Россию!" — так не говорили ни коммунисты, ни демократы, ни бесконечно сменяющиеся внуки коммунистов, которые крестятся наперекосья... Пока нам мешают ее снова сделать великой. Я думаю, что мы должны в себе найти силы и выйти из этого тупика, перестать быть колонией Америки. Когда даже, простите, русский язык порабощен. Что там "маркетинги", "брифинги", что там "сникерс" — это ерунда все. Самое страшное — калечится великий свободный могучий русский язык, который ближе всех к древнему санскриту. Так утверждают историки языка на конференции в той же Америке. Сегодня стали говорить: новости от Иван Ивановича, галстук от Кристиана Диора. Давайте тогда говорить: картина от Репина, роман от Достоевского, любовь от Ильи...

Я уважаю французов за то, что они ввели штраф на телевидении за ненужное употребление чужих слов. Уши же вянут от иностранщины. Когда я слышу слово "саммит", "моя рука тянется к револьверу". Ведь Клинтон не говорит: "Ай хэв встреча туморроу". Почему мы должны говорить "саммит"? Идиотское слово "саммит". Или "импичмент". Что такое импичмент? Это значит — недоверие. Так и скажите: "Мы не доверяем такому-то президенту или такому-то министру". Объявить импичмент! Ах, какие мы культурные!.. Стыдно!

— Почему, Илья Сергеевич, вы считаете, что американской культуры нет?

— Там нет культуры, потому что, с моей точки зрения, нет нации. А то, что я вижу в фильмах, мне напоминает соцреализм. Эта трогательная любовь белого и черного, которые обычно полицейские... Жулики воруют, полицейские разоблачают. Жуликов играют прекрасные актеры (правда, не такие талантливые, как наши: наши самые талантливые — просто им не дают ничего делать). Есть и прекрасные американские фильмы. Прекрасные! Но говорить, что это американская культура, — нельзя, потому что там японская колония, еврейская, остатки русской, итальянской... Не может быть в Соединенных Штатах единой культуры! Культура, как это ни странно, с моей точки зрения (а я объездил много стран) живет и бытует в единственной стране — в России. Я нигде не встречал более талантливых и столь униженных людей. У нас есть еще силы подняться с колен. Я очень люблю американцев — они на русских похожи. Простые и открытые. Но еще Петр I говорил: "Сенаторы — добрые люди, сенат — злая bestия". Правительство Америки — это по сути мадам Олбрайт, которая все время всем и всеми руководит.

Американка Сюзан Масси написала книгу "Россия — страна жар-птицы", которая стала сенсацией для наших историков. Один факт: она напоминает, что курс доллара определялся до 22-го года курсом рубля. Эту книгу нужно изучать, потому что она напоена любовью к России и подтверждает мою точную и незыблемую установку: русский — тот, кто любит Россию. Она любит Россию, и я бы назвал ее русской. Она даже квартиру однокомнатную купила в Павловске и считает его самым прекрасным местом земного шара. Я с ней согласен — я обожаю Павловск. И если заканчивать тему об Америке: их культура — это ковбой — "коровий мальчик". Романтика коровьих мальчиков. Им платили шесть долларов за скальп взрослого убитого индейца и три доллара за скальп ребенка. Россия никогда этого не знала.

— Мне рассказали жуткую историю о публикации, которые прошли в Питере после вашей выставки, — чуть ли не с заголовками "Убить Глазунова"...

— Это еще что! Про меня также писали, что я черпаю силы в нечистой земле своей родины, и в конце: "Граф Дракула". Раньше мне на лоб клеили мишень антисоветчика и по ней стреляли. Теперь избрели новое: не художник, кич, халтура... И прочее, прочее. Это не критика, это травля. Потому что нет критики, как говорил Белинский, без любви. Это идеологическая дубина. Но самое страшное, что я не могу возразить. Судебные процессы ни к чему не приводят. С моей точки зрения, сегодня более жестокая цензура, чем была раньше. Более того — некому жаловаться. Сейчас правят пуля и доллар. У меня нет ни пули, ни долларов. Раньше можно было добтаться до какого-то начальника, и начальник что-то решал. Сейчас как никогда торжествует безкаказанность. Свобода "от", а не свобода "для". Есть свобода от совести, от родины, от чести... А мне бы хотелось иметь свободу "для".

— Илья Сергеевич, на последней вашей выставке выставилась самая большая ваша картина — "Разгром храма в Пасхальную ночь", четыре метра на восемь...

— Четыре на восемь, да. С рамой — девять.

— Откуда у вас склонность к таким размерам и насколько это соответствует традициям реализма?

— Монументальность диктуется сюжетом. В свое время великий Иванов решил изобразить самую эпохальную сцену из истории человечества, как он считал, — "Явление Христа народу". Картина получилась огромной по размерам.

Такая тема, как крушение и уничтожение веры и России, борьба Бога с дьяволом, вера и безверие, тоже требует огромного, масштабного полотна. Я не сравниваю, но "Война и мир" Льва Толстого, "Тихий Дон" Шолохова — масштабные полотна о масштабных событиях. Нельзя написать четверостишие, выразить в короткой эпиграмме содержание "Евгения Онегина". Я считаю, что каждая тема требует своего формата, который подсказан внутренним чувством художника.

— Илья Сергеевич, народ ваши картины любит. — Спасибо.

— А художественная интеллигенция критикует. Кто прав?

— Вы знаете, я бы избегал слова "художественная интеллигенция", потому что художественная интеллигенция — это, например, покойная Уланова или ныне здравствующая великая балерина Дудинская. Они сделали главное чудо — русский балет дожил до наших дней. А Владимир Васильев перестал

все оперы, уничтожил балеты. Люди уходят с его спектаклей. Каково, если бы меня, например, назначили директором Третьяковки, а я бы стал переписывать Сурикова и в подмогу приглашать никому не известных авангардистов из Бордо, Гонконга или Алжира. Это не интеллигенция. Интеллигенция за меня. Была и есть группа шпаны, наемных писак, прежде всего идеологических, от Союза художников, действовавших раньше по звонку из ЦК. Они остались все те же, только теперь называются демократами. Выступая против меня, они выступают против понятия реализма, против выражения любви к России, к исторической России. Раньше за статью против меня платили и принимали в Союз художников. Эта мода сохранилась. Не стоит говорить о них, которые сегодня, как комиссары 20-х годов, часто позволяют себе наглые допросы вместо интервью. Вот мне недавно позвонили из уважаемой газеты и спрашивают: "Каким одеколоном вы душились?" Я говорю: "У вас больше нет вопросов?" — "Нет". Получается, можно прийти к Плисецкой и спросить: "Майя Михайловна, чем вы тараканов обычно травите?". И это культивируется, это считается демократичным.

— Однажды сборы от вашей выставки пошли на восстановление решетки Александровского сада в Петербурге у Дворцовой площади. Восстановили?

— Нет, не восстановили. Так все и кануло. Мне сказали, что деньги пошли на другие объекты. Но я горжусь тем, что удалось отстоять Храм на Крови, обреченный на снос. Обратите внимание, очень многое разрушено, утрачено. На фоне другой темы — выжить, прожить — об этом мало кто вспоминает. У так называемых олигархов свои заботы: купить шестисотый "Мерседес" или очередную дачу в Майами.

— А вам "Мерседес" действительно подарил Назарбаев?

— Мою выставку в Алма-Ате давно открывал Назарбаев. Сейчас у него был юбилей, он попросил написать портрет. Мой портрет ему понравился. В это время я работал в Кремле, и мне разрешили пользоваться "Волгой". Она вся пыхла. Мой же "Мерседес", который я купил давно, украли, и никто не собирался его искать. И вдруг все кончилось. Пал Пальча сняли, и на следующий день у меня отняли "Волгу". Ну, думаю, пора покупать велосипед "Харьков". Но тут на "Мерседесе" ко мне прикатывают два джигита: бип-бип. Серебряный "Мерседес" с фарми-глазами, такими, как у Бемби. Последняя модель. Я говорю: "А за что? Как?" — "Это подарок от нашего президента. Он очень вас любит и гордится, что, когда он думает о России, он видит ваши картины. Он очень доволен портретом. Вот документы на ваше имя". Я был поражен. Я писал многих великих людей, но у некоторых рука дрожала даже налить кофе. А тут вдруг вот какое дело...

— Расскажите подробнее о работе в Большом Кремлевском дворце. Ведь простые смертные ее никогда не увидят.

— Я имел в жизни два государственных заказа. Первый заказ мне дал Андрей Андреевич Громыко. Он случайно оказался на одном конкурсе, где были мои эскизы проектов музея в Палехе. А в это время в Париже построили наше посольство ужасной архитектуры, и все французские газеты написали: "Коммунисты построили в Булонском лесу бункер". Громыко предложил: дайте Глазунову построить посольство в Мадриде. Все окрысились: как? У нас есть Союз архитекторов! К счастью, меня поддержал мэтр Мадрида. Второй заказ — интерьеры Кремля. Мне доверили это дело — работать над сердцем Кремля. Делать, как сказали бы медики, шунтирование. Я должен был сделать пятьэтажное здание, построенного на месте взорванного храма на Бору. Первый зал — аванзал, который делал мой сын Иван Глазунов. Второй зал — Николаевский. Потом — этаж памяти Отечественной войны 1812 года. И верхний зал — посвященный Петру, где, как я понимаю, мне удалось передать атмосферу Меншиковского дворца. Все они исполнены по моим эскизам, а в остальном я был художественным руководителем восстановления БКД.

— Подведена ли черта под эпопеей с созданием вашего музея в Москве?

— Это самое больное место. Когда Москве было 850 лет, я подарил столице — России, все свои работы, все, что я сделал. Два Манежа ими можно заполнить, а Манеж — это 11 тысяч квадратных метров. Меня постоянно одолевают письмами: "Когда и где будет ваша выставка?". Я просил только одного: дать какое-то помещение, чтобы разместить эти работы. Желательно, конечно, не в Химках. Вначале дали Арбат. Потом по каким-то причинам все рухнуло. А теперь я очень благодарен Юрию Михайловичу: выделили дом, на который никто не обращал внимания. Дом науки и техники напротив Пушкинского музея. К сожалению, у города нет денег, и мне рекомендовали искать спонсоров для его реконструкции. Их у меня нет.

— Как сейчас, в 70 лет, строится ваш распорядок жизни, вы помногу работаете?

— До иступления много. Я сейчас написал три главы для книги. Закончил главу, которая меня давно мучила, — "Серебряный век". Я тоже дитя Серебряного века. Я петербургский, но русское обрел в Москве. "Серебряный век" я писал исходя из страшного тезиса Дягилева: "Мы видим красоту в добре и зле". Во зле нельзя видеть красоту, и в этом крушении, обреченности "Серебряного века". Также я задумал много новых работ.

— Как вы подходите к работе над портретом?

— Я утверждаю, что каждый человек интересен для портрета. И премьер-министр, и бомж, и студент, и балерина, и боксер, и вождь. У каждого есть своя бессмертная душа и свой характер. Музыка души человека нужно чувствовать — это и есть профессия художника-портретиста. Портрет должен быть похож. Если он не похож, это не портрет.

— Вы сказали, что нынешний юбилей для вас — не праздник, почему?

— По двум причинам. Потому что обычно в такие юбилеи лучше всего дарить гроб.

— Ну вы сказали!

— Я говорю то, что думаю. Во-вторых, самое страшное для врагов, я чувствую такой мощный прилив бодрости, как будто я только начал жить. У меня тысячи замыслов, и я полон сил, я знаю, что делать. Но только Господь знает, сколько кому дано жить. Но даже если я умру в 150 лет, скажите моим врагам, чтобы они не подходили к гробу. Я из-под крышки гроба буду стрелять.

— Чем ваша Академия живописи, ваяния и зодчества отличается от Академии художеств, которую возглавляет Зураб Константинович Церетели?

— Академия, которую ныне возглавляет Зураб Константинович, — это бывшая Академия художеств СССР. Там сидели люди, отмеченные правительством. Кто написал Сталина или Ленина — сразу академиком становился. Все это в прошлом. Сегодня — новая конъюнктура. Вот почему десять лет назад я с друзьями основал учебное заведение, где нынче учатся 450 человек. Это и есть Российская Академия живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой, 21. Я верю в нашу талантливую молодежь. Единственное, ради чего я живу и что самое радостное в моей жизни — это мое творчество и вера в возрождение великой, а ныне униженной России.

Элина НИКОЛАЕВА.